

Г.Н. Воронцова

**«НАМИ УБИТ ИЗВЕСТНЫЙ АТАМАН ГРИГОРЬЕВ»:
К ИСТОРИИ ГИБЕЛИ ОДНОГО ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА УКРАИНЕ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ***

Аннотация. Основное внимание в статье уделено анализу различных версий гибели одного из руководителей повстанческого движения на Украине Николая (Никифора) Александровича Григорьева. В научный оборот вводится один из документов архива писателя А.Н. Толстого: «Акт» о расстреле Григорьева махновцами в июле 1919 г., рассматриваются вопросы, связанные с его подлинностью и происхождением.

Ключевые слова: Гражданская война, Н.А. Григорьев, Н.И. Махно, А.Н. Толстой, архив писателя.

Воронцова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), Москва.
E-mail: Voroncova.96@mail.ru

G.N. Vorontsova. «We Killed the Famous Ataman Grigoriev»: On the History of Death of One of the Leaders of the Insurgent Movement in Ukraine During the Civil War

Abstract. The article analyzes various versions of the death of one of the leaders of the insurgent movement in Ukraine, Nikolay (Nikifor) Aleksandrovich Grigoriev. Introduced for scientific use is a document from the archives of the writer A.N. Tolstoy «Act» containing details of execution of Grigoriev by the makhnovets in July, 1919, addressed are the questions about its authenticity and origin.

Keywords: Civil war, N.A. Grigoriev, N.I. Makhno, A.N. Tolstoy, archive of the writer.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-84-01005 а (ц).

Vorontsova Galina Nikolaevna – Candidate of Philology,
Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAN), Moscow.
E-mail: Voroncova.96@mail.ru

Спустя 100 лет после начала Гражданской войны в России не все ее страницы до конца прочитаны. К числу малоизученных относится история различных повстанческих движений, сыгравших немаловажную роль в развитии событий 1918–1922 гг. Прояснение целого ряда вопросов, с ними связанных, требует дополнительных усилий исследователей и привлечения нового, ранее неизвестного документального материала. В данной статье мы бы хотели еще раз обратиться к обстоятельствам гибели одного из руководителей украинских повстанцев Николая (Никифора) Александровича Григорьева, расстрелянного махновцами в июле 1919 г.

Н.А. Григорьев (1878 или 1885–1919), офицер царской армии, участник Русско-японской и Первой мировой войн, принадлежал к наиболее колоритным личностям периода Гражданской войны. Один из современных исследователей пишет о нем: «Атаман Григорьев мечтал о славе “победителя империалистов Антанты”, о роли вождя украинского народа. Он был готов на любое преступление ради славы. На две майские недели 1919 г. Григорьеву удалось превратиться в одну из главных фигур украинской политики, с потенциальными возможностями стать “головным атаманом” – кровавым диктатором всей Украины. Но у атамана не оказалось ни политического чутья, ни образованности, ни умения искать союзников, зато самолюбия и коварства было в достатке» [7, с. 87].

Событийная канва жизни и деятельности Григорьева после 1917 г. укладывается в короткий ряд типичных для времени метаморфоз. Полковник Украинской народной армии, сформированной Центральной радой, он в начале 1919 г., после недолгой службы у Симона Петлюры, открыто перешел на сторону советской власти. В Красной армии возглавлял сначала 1-ю Заднепровскую бригаду в составе 1-й Заднепровской украинской дивизии (3-й Заднепровской бригадой в то же время командовал также примкнувший к советской власти Н.И. Махно), затем 6-ю украинскую дивизию Украинской советской армии. К числу его громких побед относится взятие Одессы весной 1919 г., за что в числе первых он был награжден орденом Красного знамени.

Красным командиром Григорьев пробыл недолго, уже в мае того же 1919 г. выступив против советской власти на Украине. Опираясь на крестьянство Елизаветградщины, недовольное продрозверсткой, он поднял мятеж в тылу Красной армии под лозунгами «Власть Советам народа Украины без коммунистов!», «Украина для украинцев!», «Свободная торговля хлебом!», которые оказались на редкость созвучными лозунгам полыхавшему в то же время на Верхнем Дону Вёшенского восстания. Так называемая «григорьев-

щина» распространилась на большой территории Херсонской и Екатеринославской губерний. Были захвачены города Черкассы, Умань, Кременчуг, Екатеринослав, Елизаветград, Херсон, Николаев и др. Тем не менее в июне армия восставших была разгромлена выставленными против нее значительными силами Красной армии.

Именно тогда Григорьев и предпринял попытку объединиться с Нестором Махно, также порвавшим, после недолгого сотрудничества, с советской властью и объявленным приказом председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого от 6 июня 1919 г. вне закона. Однако между двумя вождями украинского повстанческого движения существовали непримиримые противоречия и явный дух соперничества, что нашло отражение в выпущенном махновцами еще в мае 1919 г. воззвания «Кто такой Григорьев?»: «Григорьев старый царский офицер. В первые дни украинской революции он сражался за Петлюру против советского строя, затем перебежал на сторону советской власти и против революции вообще. Что говорит Григорьев <...> он говорит, что Украиной управляют люди, распявшие Христа <...> Братья! Разве вы не слышите в этих словах мрачного призыва к еврейскому погрому?» [1, с. 112–113].

О политике Махно в отношении Григорьева и причинах убийства атамана писал один из первых историков махновщины П.А. Аршинов: «Григорьев был несомненно контрреволюционер и авантюрист, но район и масса, им руководимые, были революционны. Их-то и решил Махно включить в общее число революционных сил. Сделать это можно было, лишь насильственно удалив Григорьева и его штаб. Махно с присущей ему резкостью и прямоотой решил публично разоблачить и убить Григорьева <...> Чтобы найти к нему свободный доступ, Махно вступил с ним и его отрядами в связь, якобы для объединения всех партизанских сил» [1, с. 132–133].

Однако другой махновец, И. Тепер (Гордеев), со ссылкой на легендарного Л. Задова описывал ситуацию с убийством Григорьева в ином ключе: «Сам убийца, знаменитый махновский палач Левка Задов, вдохновитель контрразведки, рассказывал мне этот эпизод, и из его рассказа вскрывалась истинная подоплека этого убийства. “Он мешал, и батько приказал его снять”. Это звучало чем-то таким будничным, повседневным, что я пожалел о том колоссальном количестве бумаги, на которой мы (в особенности молодежь) фиксировали это убийство как высочайший акт революции Махно» [8, с. 40].

До настоящего времени существует несколько версий убийства Григорьева махновцами; разночтения касаются главным образом того, кто сделал смертельный выстрел в мятежного атамана. П.А. Аршинов называет непосредственными исполнителями приговора С.Н. Каретникова (Каретника) и самого Махно: «27-го июля 1919 г. в селе Сентове, близ Александрии, Херсонской

губернии, по инициативе Махно был созван съезд повстанцев Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии <...> Съехалась масса крестьян и повстанцев, отряды Григорьева и части Махно <...> Докладчиками были записаны Григорьев, Махно и ряд других сторонников того или другого движения. Первым выступил Григорьев. Он призвал крестьян и повстанцев отдать все силы на изгнание большевиков из страны, не пренебрегая в этом деле никакими союзниками <...> Заявление это оказалось роковым для Григорьева. Выступавшие немедленно после него махновец Чубенко и Махно указали на то, что борьба с большевиками может быть революционной только в том случае, если она ведется во имя социальной революции. Союз с злейшими врагами народа – с генералами – будет преступной авантюрой и контрреволюцией. Затем Махно публично, перед всем съездом, потребовал Григорьева к немедленному ответу за чудовищный погром, совершенный им в мае 1919 г. в г. Елисаветграде, и за ряд других антисемитских действий <...> Последний увидел, что дело принимает для него страшный конец. Он схватился за оружие. Но было уже поздно. Семен Каретник – ближайший помощник Махно – несколькими выстрелами из “кольта” сбил его с ног, а подбежавший Махно с возгласом “Смерть атаману!” тут же дострелил его» [1, с. 133–134].

О расстреле Григорьева и расправе над григорьевцами известно также из показаний Алексея Васильевича Чубенко, данных после его ареста в ГПУ, и его же ныне опубликованного «Дневника». Занимавший различные посты в махновской армии (командир отряда, начальник штаба, председатель различных комиссий, адъютант Махно и начальник армейской подрывной команды), Чубенко в 1921 г. окончательно перешел на сторону советской власти. В своем «Дневнике» он подробно описал сельский сход в Сентове в июле 1919 г. и свою роль в «разоблачении» Григорьева. Именно он выступил перед жителями села с речью об измене Григорьева («Я стал им объяснять, что “хотя мы с Григорьевым временно в контакте, но все-таки я вам скажу, что Григорьев – контрреволюционер и что Григорьев царский слуга-офицер, и у него до сих пор в глазах блестят его золотые погоны”») [6, с. 763]), что послужило началом расправы над ним.

О дальнейшем Чубенко писал: «Я, как только зашел в помещение сельского совета, то зашел за стол и вынул из кармана револьвер “библей” и поставил его на боевой взвод. Это я <с>делал так, чтобы Григорьев не заметил, и <так>, стоя за столом, держал в руке револьвер.

Когда зашли все остальные, то Григорьев стал около стола <на>против меня, а Махно – рядом с ним с правой стороны; Каретников – сзади Махно; с левой стороны Григорьева стал <и> Чалый, Троян и Липеченко, Колесник и Григорьева телохранитель. Григорьев был вооружен двумя револьверами

системы “парабеллум”: один у него был в кобуре около пояса, а другой привязан ремешком к поясу и заткнут за голенище.

Как только все вошли в помещение, то Григорьев, обращаясь ко мне, стал говорить: “Ну, сударь, дайте объяснение: на основании чего Вы говорили это крестьянам?”

Я стал ему по порядку рассказывать основание того, что я говорил <...>

Григорьев стал это отрицать. Я ему сказал: “Так Вы еще отрицаете, что Вы – не союзник Деникина? А кто же посылает делегацию к Деникину, и к кому приехали те два офицера, которых Махно расстрелял?”

Как только я это сказал, то Григорьев схватился за револьвер, но я, будучи наготове, выстрелил в упор в Григорьева и попал ему выше левой брови. В этот момент Григорьев крикнул: “Ой, Батько, Батько!”, а Махно крикнул: “Бей атамана!”

Григорьев стал бежать из помещения, а я за ним и все время стрелял ему в спину. Он выскочил на двор и упал. Я тогда его добил. А телохранитель Григорьева выхватил маузер и хотел Махно убить, но Колесник стоял около него и схватил его за маузер и попал пальцем под курок, так что он не мог выстрелить. Махно в это время забежал сзади и начал стрелять в телохранителя: пять раз выстрелил, и пули попали навывлет и <даже> ранил своего телохранителя Колесника так, что они оба упали одновременно <...>

Когда была закончена ликвидация григорьевщины, то Махно <...> тут же сделал распоряжение о том, чтобы во что бы то ни стало занять одну из железнодорожных станций для того, чтобы можно было сообщить по телефону о том, что нами убит атаман Григорьев и что григорьевщина ликвидирована. Сообщалось телеграммой: “*Всем. Всем. Всем. Копия: Москва, Кремль. Нами убит известный атаман Григорьев. Подпись: Махно. Начальник оперативной части: Чучко*”» [6, с. 763–764].

Отличную от двух предыдущих версию гибели Григорьева приводит начальник штаба махновской армии В.Ф. Белаш. В его воспоминаниях она дается в пересказе другого участника повстанческого движения, адъютанта Махно Гавриила Трояна. О событиях в канцелярии Сентовского сельсовета тот рассказывал: «Григорьев раздраженно сказал Чубенко: “Ну, сударь, дайте объяснение, на основании чего вы говорили это крестьянам”. Чубенко ответил, что он, Григорьев, поощряет буржуазию: когда брал сено и фураж у кулаков, то платил за это деньги, а когда брал у бедняков, то попросту грабил <...> Напомнил Григорьеву, как он расстрелял двоих махновцев за то, что они нарыли ведро картофеля, как собственноручно избил нескольких махновцев, допускал еврейские погромы, что, как союзник Деникина, не захотел наступать к прорвавшемуся к Плетенному Ташлыку генерала Шкуро. Григорьев стал все это отрицать. Тогда Чубенко заявил: “Так вы еще отрицаете,

что вы не союзник Деникина? А кто же посылал делегацию к Деникину и к кому приезжали те два офицера, которых Махно расстрелял?»

Григорьев, наклонив над столом голову, схватился за маузер, но не успел его выхватить, как Чубенко с “библея” выстрелил в него в упор. Григорьев зарычал и бросился к выходу. Стоявший в стороне Махно крикнул вдогонку: “Бей атамана!”

Чубенко, Каретников, Лепетченко, я и Чалый выбежали следом на улицу, стреляя в бегущего впереди Григорьева. Он споткнулся и упал, выхватывая свои маузеры. Подбежавший махновец Качан выстрелил в него в упор» [2].

На вопрос «...а кто же убил Григорьева?» Троян отвечал: «Трудно определить, чья пуля его свалила там, на улице» [там же].

Так кто же убил атамана Григорьева? Сам Нестор Махно, как об этом пишет Аршинов, или один из его сподвижников? Или прав Гавриил Троян, считавший, что уже тогда трудно было ответить на вопрос, чья из пуль, выпущенных в Григорьева, оказалась смертельной? Отметим лишь, что и Чубенко, и Троян (в пересказе Белаша) настаивают на том, что сам Махно в сторону Григорьева даже не стрелял.

В советской историографии с конца 1910-х годов утвердилась версия, основанная на том, что Махно лично застрелил Григорьева. Уже 5 августа 1919 г. в газете «Известия ВЦИК» под рубрикой «В стане контрреволюции» сообщалось: «Киев, 2 августа. 27 июля в селе Сентово, в Херсонской губернии во время личного свидания Махно выстрелом из револьвера убил атамана Григорьева». В 1920–1930-х годах эти сведения неоднократно были воспроизведены в различных работах о Гражданской войне. Так, Е.А. Щаденко в очерке «Григорьевщина» писал: «Монархист Григорьев, потерпев крушение в своем выступлении против пролетарских советов, ищет защиты, поддержки и координации действий у анархиста Махно. Махно приглашает его на совещание, и он, несколько не сомневаясь в искренней дружбе Махно, едет к нему <...> но теперь Махно надо было замести следы совместных намерений и действий, и он стал их замечать. Не первый раз они собирались, не первый раз они совещались, спорили, ругались, но на этот раз, в момент инсценированного спора, батько Махно застрелил атамана Григорьева» [3, с. 94–95; см. также: 10, с. 254].

Той же версии придерживался и А.Н. Толстой, автор трилогии «Хождение по мукам». В ее заключительной части, романе «Хмурое утро», характеризуя состояние тылов армии Деникина и завершая сюжет о махновском движении, автор произведения писал: «Махно, после того как ухитрился лично застрелить своего главного соперника – атамана Григорьева, открыто объявил вольный анархический строй по всей Екатеринославщине, собрал тысяч пятьдесят бандитов и грозитя отобрать у Деникина Ростов, и Таганрог, и Крым, и Екатеринослав, и Одессу...» [9, с. 304].

Отношение Толстого к этому эпизоду из истории Гражданской войны окрашено личной нотой. В то время как Григорьев весной 1919 г. брал Одессу, находившийся там писатель отправлялся в свое четырехгодичное эмигрантское странствие в числе тех, кто в панике бежал от приближавшихся к городу частей Красной армии, сформированных из вчерашних повстанцев. Впоследствии он, видимо, не забыл, что был изгнан из страны войсками под руководством Григорьева, сохранив интерес к личности и деяниям этого человека. Не сделав его героем трилогии (хотя, судя по планам, намеревался), Толстой посвятил ему очерк «Атаман Григорьев» (1929).

В конце 1920–1930-х годов широкому кругу историков еще не были известны показания и воспоминания Алексея Чубенко, воспоминания Виктора Белаша были опубликованы лишь в отрывках [5]; истории об убийстве атамана в этих отрывках не было. И все-таки у Толстого был повод усомниться в господствующей версии убийства атамана Григорьева. В архиве писателя в ОР ИМЛИ хранится документ, содержание которого совпадает со сведениями, сообщенными Алексеем Чубенко. Приведем его полностью, сохраняя оригинальные орфографию и синтаксис:

АКТ

Херсонской губернии Александрийского уезда село Сентово 1919 года июля 28го дня мы нижеподписавшиеся Командующий украинскими партизанскими войсками Батько Махно, Н-к штаба Григорий Махно, заместитель и член реввоенсовета Алексей Чубенко Член ревсовета Шпота Фома Н-к кавалерийских частей Щусь Фодор, Командир 3го пехотполка Каретников Семен, Н-к штаба 3го пехполка Гавриленко, Н-к пулеметных частей Фома Кожин, Н-к штаба кавчастей Чалый, Член ревсовета Василевский Чайковский, Член ревсовета Троян адютант Батька Махно Лютый, Член ревсовета Чучко Иван Член ревсовета Пузанов секретарь ревсовета Лащенко. Составили настоящий акт в том, что согласно постановления чрезвычайной пятерки Батько Махно Чубенко Каретников Семен Чалый и Щусь, которая постановила убить Атамана Григорьева и ликвидировать все вооруженные силы григорьевцев 28/VII-1919 года в селе Сентово на сельском сходе в присутствии всего сельского схода был убит Атаман Григорьев и его телохранитель и тяжело был ранен командир махновских частей Колесник того же 28/VII-19 были разоружены все Григорьевские части. Вопреки постановления чрезвычайной пятерки Атаман Григорьев был убит Чубенком а не Каретником как это было постановлено пятеркой. Телохранителя Атамана Григорьева убил Батько Махно и Колесника ранил тоже Батько Махно. Руководство по разоружению частей провели Щусь Кожин и Григорий Махно.

28/VII-1919 г.

Подписали

Б. Махно Г. Махно А. Чубенко Шпота Щусь Каретник Гавриленко Ко-
жин Чалый Василевский Троян И. Лютый Чучко Пузанов
Секретарь ревсовета Лашенко [4, л. 30].

Документ выполнен на сложенном вчетверо относительно ветхом листе бумаги с водяными знаками, истерт по местам сгибов. Подписи сделаны разными чернилами. Хранится «Акт» вместе с датированной 1919 г. фотографией, на которой запечатлены сам Махно и его ближайшие соратники: И.Е. Лютый, А.М. Ольховик, П. Пузанов, И.М. Новиков, П.Ф. Белочуб, В.В. Куриленко, Ф.У. Щусь, Я.В. Озеров и А.В. Чубенко [4, л. 31].

О том как документ попал к Толстому, ничего не известно. Можем лишь предположить, что он был передан ему из редакции «Истории Гражданской войны», созданной по инициативе А.М. Горького в 1931 г. для издания одноименных сборников; известно, что эта редакция оказывала писателю помощь в работе над трилогией «Хождение по мукам» и романом «Хлеб». Не исключено, что Толстой получил документ от кого-то из участников боевых действий 1918–1922 гг. при личной встрече.

При знакомстве с «Актом» обращает на себя внимание дата убийства атамана Григорьева, 28 июля 1919 г., тогда как в большинстве источников событие датируется 27 июля¹. В трех случаях из четырех цифра «8» переправлена с какой-то другой. Кроме того, на «Акте» отсутствует печать.

Тщательный детальный анализ документа, осуществленный украинским исследователем махновского движения Ю.П. Кравцом, показал: во-первых, должности перечисленных в нем махновцев не всегда соответствуют реальным; во-вторых, известные по другим документам подписи Григория Махно, Чубенко, Шпоты, Щуся, Каретникова, Василевского, Чучко, Пузанова

1. Дата «28 июля» фигурирует лишь в одной из версий, приведенной В.А. Савченко: «По другим данным на крестьянском сходе в Сентово <27 июля> атаман не был убит. Напротив, на сходе крестьяне поддержали Григорьева, и он “будучи в хорошем настроении” пожертвовал им 20 тысяч рублей на ремонт местного клуба. А вот на следующий день состоялись сборы штаба и командиров повстанцев, на которые явился Григорьев со своими телохранителями. Когда на сборах зазвучали обвинения в адрес Григорьева со двора слышались крики. Это во дворе дрались махновец и григорьевец. Махно выбежал во двор и рукояткой револьвера ударил григорьевца. Вернувшись в комнату, он бросил в лицо Григорьеву: “Вас всех нужно пострелять!”. После этого инцидента Махно возобновил заседание вопросом: “Писал ли Григорьев в своих универсалах: «Бей жидов, спасай Россию?»”. Когда Григорьев стал возмущаться и говорить, что это недоказуемо, Махно выхватил револьвер и выстрелил в Григорьева. Раненный в плечо атаман выбежал во двор, упал на одно колено и начал отстреливаться. Но в это время к нему подскочил махновский всадник и ударил шашкой по голове» [7, с. 128].

и Лашенко не являются подлинными. Подпись самого Нестора Махно внешне соответствует подлинной, но и она содержит ряд моментов, которые могут указывать на ее подложность².

Таким образом, мы можем говорить о подложности всего документа в целом, что, правда, не снимает вопроса о его происхождении. Тем более что зафиксированная в нем версия убийства Григорьева определенным образом расходится с общепринятой на тот момент интерпретацией событий.

Были ли у Алексея Толстого веские основания не доверять попавшему к нему документу и пренебречь изложенными в нем фактами? Или он не решился отойти от общепринятой версии убийства Григорьева? На эти вопросы ответа пока нет. Возможно, однако, что писатель просто посчитал необходимым завершить сюжет, связанный с маховским движением, сильным аккордом. А потому и уходит Нестор Махно со страниц трилогии непосредственным убийцей Григорьева. По-видимому, это соответствовало представлениям Толстого об умном, хитром, но и необузданном в своих порывах человеке, ставшем литературным героем.

Библиография

1. Аршинов П.А. История маховского движения (1918–1921 гг.). Берлин: Изд. «Группы Русских Анархистов в Германии», 1923. 258 с.
2. Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. [Б. м.]: Проза, 1993. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/133657/Dorogi_Nestora_Mahno.pdf (Дата обращения: 17.03.2018.)
3. Гражданская война 1918–1921: Т. 1–3 / Под общ. ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева, Р.П. Эйдемана. М.: Военный вестник, 1928. Т. 1. Боевая жизнь Красной армии. 373 с.
4. Материалы к третьей книге трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» роману «Хмурое утро» // ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 121. 40 л.
5. Маховщина (отрывки из воспоминаний В. Белаша) // Летопись революции. 1928. № 3. С. 191–234.
6. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.
7. Савченко В.А. Авантюристы Гражданской войны: Историческое расследование. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 368 с.
8. Теппер (Гордеев) И. Махно. От единого анархизма к стопам румынского короля. [Киев]: Молодой рабочий, 1924. 121 с.
9. Толстой А.Н. Хмурое утро // Толстой А.Н. Собрание сочинений: Т. 1–10. М.: Художественная литература, 1984. Т. 6. 408 с.
10. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2. Кн. 1. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. 476 с.

2. Сообщено Ю.П. Кравцом автору статьи.

References

- Arshinov P.A. Istorija mahnovskogo dvizhenija (1918–1921 gg.). Berlin: Izd. «Gruppy Russkih Anarhistov v Germanii», 1923. 258 p.
- Belash A.V., Belash V.F. Dorogi Nestora Mahno. Istoricheskoe povestvovanie. [B.m.]: Proza, 1993. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.e-reading.by/bookreader.php/133657/Dorogi_Nestora_Mahno.pdf (Data obrashhenija: 17.03.2018.)
- Grazhdanskaja vojna 1918–1921: Vol. 1–3 / Pod obshh. red. A.S. Bubnova, S.S. Kameneva, R.P. Jejdemana. Moscow: Voennyj vestnik, 1928. Vol. 1. Boevaja zhizn' Krasnoj armii. 373 p.
- Mahnovshchina (otryvki iz vospominanij V. Belasha) // Letopis' revoljucii. 1928. N 3. P. 191–234.
- Materialy k tret'ej knige trilogii A.N. Tolstogo «Hozhdenie po mukam» romanu «Hmuroe utro» // OR IMLI. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 121. 40 l.
- Nestor Mahno. Krest'janskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921. Dokumenty i materialy. Moscow: ROSSPJeN, 2006. 1000 p.
- Savchenko V.A. Avantjuristy grazhdanskoj vojny: Istoricheskoe rassledovanie. Har'kov: Folio; Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2000. 368 p.
- Tepper (Gordeev) I. Mahno. Ot edinogo anarhizma k stopam rumynskogo korolja. [Kiev]: Molodoj rabochij, 1924. 121 p.
- Tolstoj A.N. Hmuroe utro // Tolstoj A.N. Sobranie sochinenij: Vol. 1–10. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1984. Vol. 6. 408 p.
- Trockij L.D. Kak vooruzhalas' revoljucija (na voennoj rabote). Vol. 2. Kn. 1. Moscow: Vysshij voennyj redakcionnyj sovet, 1924. 476 p.